

ПИСЬМО ИЗЪ БУХАРЫ.

V.

ПУТЬ ОТЪ ХИВЫ ДО БУХАРЫ.

Я писалъ уже къ вамъ, что миссія выступила изъ Хивы 31 августа.

Караванъ нашъ на этотъ разъ состоялъ изъ 170 верблюдовъ, большая часть которыхъ принадлежала возвращавшимся изъ Хивы Бухарцамъ; остальные же, вопреки всѣмъ нашимъ возраженіямъ, были наняты у Туркменъ, племени Гаудуръ, съ которыхъ почтеннѣйшій диванъ-баба взялъ за эту комиссію препорядочную взятку.

До границъ Бухарскаго ханства миссію сопровождалъ хивинскій чиновникъ, носившій титулъ мнѣ-баши. Этотъ высоко-степенный господинъ, отличавшійся самой илутовской физиономіей, считалъ обязанностію кричать на нашихъ возчиковъ и, при всякомъ удобномъ случаѣ, подбивалъ какъ ихъ, такъ и толпившійся по дорогѣ народъ тяжеловѣсной дубинкой, которая везла за нимъ его оруженосецъ, исправлявшій въ то же время и должность музыканта (думбрачи); кромѣ этого артиста, въ свитѣ чиновника находилось еще человекъ 7 общипанной и обдерганной стражи, вооруженной чѣмъ попало.

(*) Письмо изъ степи и два письма изъ Хивы напечатаны въ «Военномъ Сборникѣ» въ №№ 4 и 6 за 1858 г. и въ № 1 за 1859 годъ. *Ред.*

Отличительная способность минь-баши состояла въ томъ, что на всѣхъ ночлегахъ и остановкахъ въ населенныхъ мѣстахъ, какимъ-то волшебствомъ, добывалъ для себя огромное количество куръ, яицъ и масла, что каждый изъ насъ съ трудомъ могъ получить, и то за большія деньги. Случалось часто и такъ, что какойнибудь бѣдный узбекъ, не соглашавшійся уступить намъ курицу за 2 теньги (44 коп. сер.), при одномъ мановеніи руки или, престо, густыхъ бровей минь-баши, вручалъ безпркословно продаваемую птичку его прислужнику и затѣмъ, что есть силы, удалялъ отъ кибитки чиновника, безъ всякаго слова о вознагражденіи.

Отъ Хивы караванъ потянулся прямо на востокъ, къ Аму-Дарьѣ. Пространство это, около 40 верстъ, мы шли по странѣ густо населенной и почти сплошь обработанной. Экономія на землѣ здѣсь такъ велика, что самый проѣздъ производится по дорогѣ не болѣе, какъ въ 3 сажени шириною, и, притомъ, стѣсненной съ обѣихъ сторонъ насыпями, садами, полями и канавками; изъ большихъ же каналовъ на этомъ пути встрѣчаются три: Подванъ-Ата, Казаватъ и Шахъ-Абатъ, изъ коихъ черезъ каждый ведетъ узкій мостъ на высочайшихъ козлахъ.

По дорогѣ къ Аму, при каналѣ Казаватъ, расположена одна изъ важнѣйшихъ хивинскихъ крѣпостей — Ханки. Крѣпость имѣетъ фигуру квадрата, бокъ длиною около 100 саж.; стѣны глиняныя обыкновенной постройки, украшенныя сверху зубцами. Крѣпость была обведена когда-то водянымъ, довольно широкимъ ровомъ; но теперь на мѣстѣ рва видны однѣ только грязныя вонючія лужи. Около самаго вѣзда въ крѣпость, со стороны Хивы, расположены лавки и идутъ жилыя въ самомъ интересномъ безпорядкѣ.

2 сентября, мы опять увидели мутныя воды Окса и ровно въ полдень стали на берегу его лагеремъ.

Ширина Аму-Дарьѣ, около Ханковъ, гораздо значительнѣе чѣмъ подъ Кунградомъ, и, несмотря на то, что въ это время вода въ рѣкѣ сильно шла на убыль, изъ нашего лагеря едва, едва можно было видѣть противоположный берегъ.

Съ приходомъ на Аму, погода замѣтно измѣнилась: пошелъ маленькій дождь и ночью оказалось всего только 11° тепла.

На этотъ разъ, хивинское правительство опять не сдержало своего обѣщанія: лодокъ на переправѣ было приготовлено очень мало, и, несмотря на усердіе минь-баши, который своею дубин-

кою подбивалъ правого и виноватаго и даже, въ азартѣ, переломилъ руку караванъ-башу, мы никакъ не могли собрать для перепрода болѣе 23 лодокъ. Новострой, однакожь, оказалось, что хлопоты почтеннаго чиновника были одной комедіей, служившей для прикрыванія страсти его къ взяткамъ. Въ первый день нашего шествія на Аму, минь-баши самъ же отпустилъ ночью нѣсколько лодочниковъ, разумѣется не даромъ, и, кромѣ того, требовалъ съ бухарскихъ возчиковъ, заплатившихъ уже въ Хивѣ за почтенному диванъ-бабѣ 20 червонцевъ, еще за переправу 50 тиллъ, отказъ въ которыхъ и былъ тайною причиною перелома руки несчастному караванъ-башу.

Узнавъ о такихъ проделкахъ, начальникъ миссіи поручилъ завѣдываніе переправой одному изъ своихъ офицеровъ, а минь-баши, не достигши цѣли, со злости переколотилъ своихъ прислужниковъ и послѣ этого буйнаго возмездія остальное время переправы посвятилъ, какъ бы вы думали, самому невинному удовольствію — музыкѣ. Усѣвшись преважно на коврѣ около берега и посадивъ не вдалекѣ музыканта, минь-баши весь предался слуху. Послѣ нѣсколькихъ аккордовъ на двухъ-струнномъ инструментѣ, имѣвшемъ видъ полоскательной чашки съ придѣланнымъ къ ней длиннымъ грифомъ, музыкантъ началъ слегка покачивать головою, закатывать глаза и потомъ монотонно запѣлъ стихи. По мѣрѣ пѣнія, думбрачи то утихали, то вдругъ приходилъ въ какой-то восторгъ, вскрикивалъ и сильно дергалъ головою, тогда какъ его баринъ, съ полузакрытыми глазами и покуривая кальянъ, наслаждался полнѣйшимъ кейфомъ. Стихи пѣлись изъ Наваи, любимаго джагатайскаго поэта, и, сколько мнѣ помнится, кто-то изъ чиновъ миссіи переложилъ напѣвъ ихъ на ноты. Въ такихъ занятіяхъ музыкой, съ пересыпкой плова, чаю и кальяна, провелъ остальное время на переправѣ угномонившійся чиновникъ. А, между тѣмъ, лодки съ тяжестями сновали взадъ и впередъ, но, по лѣности перевозчиковъ и по быстротѣ теченія, едва успѣвали сдѣлать въ день два рейса. Особенно затруднительно было переправлять верблюдовъ, изъ которыхъ нѣкоторые положительно отказывались спускаться въ лодку.

3 сентября, утромъ, вся миссія была уже на правомъ берегу рѣки; но, прежде, чѣмъ говорить о дальнѣйшемъ нашемъ путешествіи, невольнo хочется сказать нѣсколько словъ объ самой Аму.

Что за роскошная рѣка, какая масса воды, какая сила теченія, и неужели все это дано ей только для того, чтобы носить несчастныя хивинскія посудины съ клажей сухаго урюка или чегонибудь подобнаго! Рано или поздно, но мнѣ кажется, что по этой рѣкѣ ктонибудь да внесетъ же напѣтки болѣе разумной торговой дѣятельности, напѣтки цивилизаціи въ безжизненныя пустыни Турана, въ среду его грубаго, невѣжественнаго населенія: вѣдь недаромъ же природа провела такую великую артерію между Европой и Азіей отъ подножій Гинду-Куша, отъ древней славной Бактріаны, до Киргизъ-Кайсацкихъ степеней.

Вы, вѣроятно, не заподозрите меня въ страсти къ идеализаціи, но, конечно, можете возразить, что за моремъ все хорошо, а если бы привелось намъ самимъ владѣть рѣкою, такъ мы и не сумѣли бы съ ней справиться, пожалуй даже при этомъ укажете и на примѣръ: на Сыръ-Дарью, отъ которой мы въ другой разъ не знаемъ, какъ и отомолиться. Сдѣлавъ такое замѣчаніе, вы будете правы только отчасти и, въ свою очередь, повторите одинъ изъ тѣхъ упрековъ, которые раздаются насчетъ цѣли дѣйствій нашихъ въ Средней Азіи. И, дѣйствительно, мы здѣсь были смѣлы на проекты, съ ловкостію открывали въ предметъ блестящую его сторону, не задумываясь, принимались за исполненіе обширныхъ предпріятій и даже достигали на первое время удачныхъ результатовъ, но почти никогда не умѣли вовремя взвѣсить предполагаемыхъ выгодъ съ неудобствами и часто, при первомъ неудачномъ шагѣ, окончательно терялись и предавались самой полнѣйшей апатіи въ томъ дѣлѣ, которое незадолго возбуждало въ насъ живой интересъ. Въ подтвержденіе моихъ словъ, прочтите всю переписку и прослѣдите всѣ распоряженія по занятію Сыра. Сколько блестящихъ идей мимоходомъ брошено въ той, то въ другой бумагѣ, сколько свѣтлыхъ предположеній стоитъ на ряду съ пустыми, звонкими фразами, а въ итогѣ ничего общаго, ничего доведеннаго до конца; все придумывалось и соображалось какъ бы для успѣха минуты и ничего для дальнѣйшаго, прочнаго устройства края. Но отсюда, однакоже, не слѣдуетъ, чтобы мы и въ будущемъ были неспособны на чтолибо серьезное и болѣе опредѣленное. Не слѣдуетъ торопиться, не слѣдуетъ пренебрегать частной дѣятельностью, которая, при извѣстной гарантіи правительства, можетъ принести ему существенную пользу въ такихъ странахъ, какъ Азія, и, наконецъ, имѣть поболѣе твердости въ однажды обдуманномъ предпріятіи.

тогда, повѣрьте, на Аму мы не будемъ смотрѣть тѣмъ разочарованнымъ взглядомъ, который невѣльно на насъ навѣяла занятая нами безплодная частъ Сыра.

Извините за такое отступленіе отъ предмета моего разсказа; но, впрочемъ, оно простительно, и въ томъ впечатлѣніи, которое произвела на меня Аму, и я увѣренъ, что если бы и вы, человекъ болѣе серьезный и положительный, были на моемъ мѣстѣ, то вы остались бы хладнокровны въ такой дивно роскошной рѣкѣ. Обращаюсь къ нашему путешествію.

9 сентября, миссія двинулась въ дальнѣйшій путь, вверхъ по правому берегу Аму. Переходъ былъ немножко тяжелъ. Картина совершенно измѣнилась: вмѣсто обработанной, густо населенной полосы, мы сразу очутились въ низменной пустынной степи, по которой кой-гдѣ мелькали кибитки оборванныхъ Каракалпаконъ, и чѣмъ дальше въ степь, тѣмъ страна становится безжизненнѣе: на огромномъ песчаномъ пространствѣ изрѣдка выглядываютъ гдѣнибудь кустики гребенщика да торчатъ одиноко ковыль, и только по самымъ прибрежьямъ рѣки, окаймляя ее съ обѣихъ сторонъ, какъ двѣ бархатныя ленты, тянутся узкими полосами ярко-зеленыя камыши. Ширина этихъ полосъ различна и, при возвышенныхъ берегахъ, простирается всего на нѣсколько саженъ.

Съ переходомъ черезъ Аму, спокойствіе, господствовавшее до тѣхъ поръ въ нашемъ караванѣ, начало нарушаться, и главною причиною волненія оказался все тотъ же минъ-бани. Этотъ храбрый набздникъ положительно сталъ увѣрять, что Чаудуровцы, недовольные за отказъ нанять у нихъ верблюдовъ, рѣшились сдѣлать на насъ нападеніе, и съ этою цѣлью шайка ихъ, въ числѣ 300 человекъ, переправилась уже черезъ Аму и гонится за караваномъ. Откуда выкопалъ почтенный чиновникъ такія извѣстія, рѣшительно нельзя было понять. Но крайней мѣрѣ, онъ клялся и божился, что говоритъ истинную правду. Какъ бы ни было, а возчики наши начинали трусить не на шутку, особенно, когда къ намъ примкнули шедшіе въ Бухару два купеческихъ каравана, верблюдовъ въ 50 каждый, хозяева которыхъ умоляли о защитѣ. Въ это же время подъ наше покровительство пристроились Кандагарецъ, совершившій, по какому-то обѣту, путешествіе по святымъ мѣстамъ Средней Азіи, и бухарскій Еврей.

Я уже писалъ къ вамъ, что климатъ Хивы и плоды произвели не совсѣмъ благоприятное дѣйствіе на здоровье нашихъ лю-

дей, а бивуакирование на низменных берегахъ рѣки еще увеличило болѣзни въ конвой, такъ что, при движеніи за половину нашихъ людей лежала въ страшныхъ лихорадкахъ походила на какія-то тѣни.

Поэтому, какъ ни смѣшонъ казался намъ почтенный мѣнъ-баши, видѣвшій въ каждомъ песчаномъ холмѣ Туркменъ предосторожность, никогда не лишняя въ здѣшнихъ мѣстахъ, заставила насъ принять въ отпоръ мѣры противъ случайностей. Послѣ втораго перехода за Аму, караванъ изъ одной отъ одной нити перестроился въ нѣсколько рядовъ, ряды сблизились и мы двигаясь, такимъ образомъ, получили большую возможность защитить наши тяжести, въ случаѣ нечаяннаго нападенія. Приходивъ на мѣсто, мы каждый вечеръ спускали нѣсколько сигнальных ракетъ, чтобы показать слѣдившимъ за нами Туркменамъ, что идемъ не съ пустыми руками, при чемъ свита чиновника и нѣкоторые изъ возчиковъ ложились лицомъ къ землѣ, а самъ мѣнъ-баши просилъ начальника миссіи не пускать ракетъ горизонтально. Несмотря на предосторожности, караванъ шелъ, однакожъ, теперь съ гораздо большимъ шумомъ, чѣмъ на Усть-уртѣ. По бухарскому обычаю, между каждыми пятью или шестью верблюдами размѣщается въ караванѣ оселъ, на которомъ обыкновенно и водитъ хозяйинъ сзади идущей партіи верблюдовъ, ведя передовыхъ изъ нихъ за веревку. Безпрерывное ржаніе этихъ ословъ, звонъ висѣвшихъ у нихъ на шеѣ колокольчиковъ, постоянный крикъ куццовъ и почтеннаго мѣнъ-баши производили въ мертвой степи такой гулъ, что онъ далеко давалъ знать о нашемъ шествіи.

5 сентября, мы пришли на ночлегъ около 6 часовъ вечера совершенно истомленные огромнымъ переходомъ по сыпучимъ пескамъ и везя за собой умершаго на переходѣ уральскаго казака.

Остановясь лагеремъ верстахъ въ 2 отъ Аму, мы незамѣтно отвезли къ рѣкѣ покойника и тамъ наскоро его обмыли. Грустные, суровые суетились около него бородатые товарищи, въ бѣлыхъ какъ саванъ китеяхъ. Богъ знаетъ, что у нихъ въ эту минуту было на сердцѣ; но вѣроятно каждому думалось, что и онъ можетъ сложить голову безъ родныхъ и исповѣди, на пустынномъ берегу чужой рѣки, гдѣ на могилѣ его будетъ гулять перелетный песокъ...

Такъ, до крайней мѣрѣ, казалось мнѣ, когда я смотрѣлъ на ихъ загорѣлыя, обросшія лица, по которымъ невольно катились слезы. Когда опускали тѣло въ могилу, было уже темно и кри-

гомъ царствовала невозмутимая тишина; только среди этого мрака горѣла какъ огонекъ небольшой огарочекъ свѣчи, вѣроятно, найденный въ чай нибудь походной сумѣ, да около свѣчи внятно и рѣзко, среди общего молчанія, раздавались слова отходной молитвы, которую читалъ начальникъ миссіи...

На другой день, съ грустію потянулись мы отъ мѣста ночлега. Берега Аму стали круты и обрывисты, и мы шли по прибрежной кряжамъ, изрѣдка спускаясь въ низменную, покрытую камнями полосу, идущую между ихъ подножіемъ и рѣкою.

Мѣнъ-баши труситъ больше прежняго и увѣряетъ, что черезъ два дня на насъ непременно нападутъ Туркмены, на ночлегъ близъ Аму. Да отчего же непременно на ночлегъ, а не на переходѣ? спрашиваемъ мы чиновника. «Да оттого, отвѣчалъ онъ, что въ этомъ самомъ мѣстѣ въ прошломъ году они на меня напали.»

Идемъ то песками, то по твердому, каменистому грунту прибрежныхъ кряжей, для ночлеговъ большею частію спускаемся внизъ къ водѣ, гдѣ есть подножный кормъ для лошадей. По ночамъ лагерь охраняется, кромѣ часовыхъ, и разсыльными Киргизами, которые, вмѣсто «слушай», кричатъ протяжно: «алла!»

У мѣнъ-баши оборванной стражи возрасло до 20 человекъ; но опасное мѣсто пройдено благополучно и нападенія Туркменъ не последовало.

10 сентября, весь переходъ слѣдали по окраинѣ береговыхъ горъ. Аму видна какъ на ладони. Замѣтно, что она сильно обмелѣла: безпрестано встрѣчаются песчаные острова, которые дѣлятъ рѣку на нѣсколько рукавовъ; но, несмотря на это, она сохраняетъ—по крайней мѣрѣ, въ ширину—удобный для судоходства фарватеръ. Къ вечеру караванъ сталъ около уроч. Кукертли, официальной границы Хивинскаго ханства. Здѣсь мы нашли пустую глиняную развалину, которая служить убѣжищемъ для пограничнаго хивинскаго караула; сами же караульные потянули вверхъ по рѣкѣ какія-то лодки съ товарами, вѣроятно, найдя это занятіе болѣе выгоднымъ, чѣмъ стоять въ глухой степи.

14 числа, распростился съ нами достопочтенный мѣнъ-баши, получивъ на прощанье въ подарокъ сукна и разныхъ вещей.

Вообще путь, по которому мы шли за рѣкой и который представлялъ намъ далѣе въ Бухару, несмотря на свою безжизненность и бесплодность, возбуждалъ въ насъ живѣйшій интересъ. Съ 1740 года, т. е. со времени путешествія англійскаго купца Томсона, по этому направленію, сколько извѣстно, не проникалъ

никто изъ Европейцевъ, и мы имѣли честь первые провѣрить опытъ трудности пути, который до сихъ поръ считался доступнымъ, даже для купеческихъ каравановъ, дѣлающихъ переходы отъ 60—70 верстъ въ сутки, тогда какъ мы проходимъ въ день отъ 30—40 верстъ, при одной ночевкѣ.

Простившись съ чиновникомъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и съ розказнями о нападеніяхъ Туркменъ, наши возчики еще ночи не могли оправиться отъ боязни и по вечерамъ, на бивуаки приступали къ начальнику миссіи съ просьбою пустить ихъ одну ракету, говоря, что Туркмены, увидя ее, наберутся страха и караванъ проведетъ ее спокойно.

13 числа, идя по берегу Аму, мы прошли мимо двухъ разрушенныхъ крѣпостей, изъ которыхъ одна называется Джигитъ-Кала (Молодецкая крѣпость), а другая — Кысь-Кала (Дѣвичья крѣпость). Последняя построена на отдѣльной высокой сопкѣ, составляющей какъ бы продолженіе береговаго края; первая же въ саженьяхъ 300—400 отъ предъидущей, близъ самой рѣки, на нижнемъ скатѣ, или, лучше сказать, на равнинѣ, примыкающей къ его подошвѣ. Обѣ крѣпости четырехъугольны; стѣны сложены изъ дикаго камня; къ внутренней ихъ сторонѣ примыкаютъ комнаты со сводами, построенныя изъ жженого кирпича. Верхняя крѣпость имѣетъ въ окружности около версты, и стѣны ея расположены по окраинѣ горы, которая возвышается надъ Аму футовъ на 300. По срединѣ крѣпости стояло какое-то большое зданіе изъ жженого кирпича; въ крѣпость вели одни ворота, доступъ къ которымъ, какъ равно и на самую скалу, возможенъ только по одной узенькой тропинкѣ. Внутри крѣпости высѣченъ очень глубокій колодезь, который когда-то соединился подземнымъ водопроводомъ съ рѣкою.

Къ этому описанію позвольте присоединить еще и не лишнюю поэзію туземную легенду.

Основаніе крѣпостей, какъ рассказывали намъ Бухарцы, произошло лѣтъ за 400 предъ симъ, по слѣдующему случаю:

Богатая красавица—магометанка, не зная, куда дѣваться отъ докучливыхъ жениховъ, рѣшилась удалиться со всемъ имуществомъ на описанную скалу и заперлась тамъ въ крѣпости съ своими приближенными. Тогда одинъ изъ самыхъ пламенныхъ и неутомимыхъ поклонниковъ, въ свою очередь, основалъ другую крѣпость, внизу, около рѣки, и рѣшился добыть красавицу силой, отвѣтъ у нея воду; но невѣста не сдавалась и отъ жажды

не умирала, пока одна изъ ея прислужницъ, подкупленная женихомъ, не открыла послѣднему о существованіи тайника.

Тогда женихъ пустилъ по Аму мимо крѣпостей клокъ сѣна и, гдѣ его потянуло внизъ, тамъ отыскалъ начало водопровода, который тотчасъ же и разрушилъ. Послѣ этого происшествія красавица вышла изъ крѣпости, села на лодку и спустилась въ низовья Аму, гдѣ и умерла, считаясь святою...

15 сентября, мы подошли наконецъ къ окраинѣ населенной долины. На половинѣ этого перехода получили извѣстіе о выѣздѣ навстрѣчу миссіи губернатора ближайшей Бухарской крѣпости Усты, а пройдя еще версты двѣ, встрѣтили одного изъ его приближенныхъ, пріѣхавшаго поразспросить подъ рукою о цѣремониальнѣйшій встрѣчи. Вскорѣ по отъѣздѣ посланнаго предсталъ и самъ губернаторъ. Это былъ маленькій, но плотный, лѣтъ 60 старикъ въ шалевомъ халатѣ и мѣховой выдровой шапкѣ, намеръ нашихъ поповскихъ; онъ сидѣлъ на превосходномъ рыжемъ туркменскомъ конѣ, который былъ покрытъ шалевымъ чепракомъ. Всѣ принадлежности сѣдла были украшены крупными прекрасными камнями бирюзы, а стремена сдѣланы изъ серебра.

Слѣхавшись съ нами, губернаторъ отдалъ честь, приложивъ руку къ сердцу, а начальникъ миссіи—къ козырьку. Вслѣдъ за симъ, по случаю благополучнаго нашего прибытія, свита его степенства начала празднество, извѣстное у Азіатцевъ подъ названіемъ курбанъ. Для этого одинъ изъ Бухарцевъ схватилъ гдѣ-то козленка и началъ съ нимъ кружить около начальника миссіи и его свиты. За первымъ наѣздникомъ ринулась вся свита губернатора и начала отнимать и рвать бѣдное животное, бросая куски отъ него, въ знакъ особаго почета, въ ту сторону, гдѣ вѣхалъ начальникъ миссіи. Вообще же временнаго владыка козленка били нагайками, толкали, давили, до тѣхъ поръ, пока находившаяся у него жертва не поступала въ руки къ другому счастливицу, съ которымъ поступали такимъ же образомъ, какъ и съ предъидущимъ, и все это совершалось на всемъ скаку, съ страшнымъ гикомъ, кружась около насъ. Самымъ же ловкимъ молодецомъ признанъ былъ тотъ, которому удалось вырвать изъ козленка печенку и бросить ее къ ногамъ лошади, на которой вѣхалъ начальникъ миссіи. За первымъ козленкомъ послѣдовалъ второй, котораго не раздирали, а, убивъ и взявъ его цѣликомъ, поступили съ нимъ такъ же, какъ и съ печенкой. Вообще картина,

представлявшая носившихся по обширной степи бухарских вѣдниковъ, была очень живописна: они то разсыпались, то кались кучками, то, какъ бы случайно сдвинувшись въ одну сторону, направлялись къ одной точкѣ—къ тому счастливцу, у котораго былъ козленокъ, при чемъ концы бѣлыхъ ихъ чалмъ, вытаскиваясь отъ быстрого движенія, неслись какъ флюгера въ кими всадникамъ.

Послѣ исторіи съ козленкомъ слѣдовало другое угощеніе музыкой. Инструментовъ было немного: всего только одинъ рожокъ, въ рожѣ нашихъ пастушескихъ,—и игравшій на немъ музыкантъ такъ надсѣдался, что мы невольно удивлялись крѣпости его легкихъ.

По прибытіи на ночлеги, Бухарцы предложили намъ угощеніе, въ числѣ котораго, конечно, немаловажную роль играли фрукты; въ свою очередь, губернаторъ и его свита были приглашены на чай къ начальнику миссіи, гдѣ получили разныя подарки.

На другой день шли по мѣстамъ хотя и населеннымъ, многія изъ строеній были, однакожъ, брошены и частию засыпаны пескомъ, дошедшимъ здѣсь вплоть до Аму. На этомъ же переходѣ миновали кр. Усты.

Представьте себѣ на ровной какъ ладонь мѣстности подымающуюся футовъ на 200 глыбу глины, вершина которой образуетъ небольшое плато. Вотъ на этомъ-то плато, паря надъ разбросанными внизу жилищами, высится крѣпость, не имѣющая, впрочемъ, никакой ограды и состоящая изъ 15—20 мазанокъ, стѣны которыхъ вплоть примыкаютъ къ краямъ глыбы. Крѣпость имѣетъ одни ворота, къ которымъ ведетъ узкая троинка, расположенная по одному изъ обрывистыхъ скатовъ глыбы. Бухарцы говорили, что въ крѣпости находится 100 человѣкъ гарнизона, но въ действительности здѣсь едва ли можетъ помѣститься и 20. Конечно, для полудикихъ Туркменъ, такая естественная твердыня есть уже защита; но атаки правильнаго строя Усты выдержать рѣшительно не въ состояніи.

Даже мы шли вблизи Аму и по окраинѣ знаменитыхъ страшныхъ Кызыль-Кумовъ; ночь провели въ одной населенной мѣстности, называемой Крачь.

18 сентября, миссія вступила въ пески. Путь, который былъ избранъ черезъ Кызыль-Кумы, представлялъ ту выгоду, что по рѣсѣдкѣ пески, примыкающіе къ Бухарѣ съ запада, на самъ

незначительной ихъ ширинѣ, именно около 28 верстъ; но даже для перехода такого незначительнаго разстоянія потребовалось много времени и много усилій, особенно для повозокъ, прежде, чѣмъ мы снова достигли населенной полосы.

Вообразите огромное море, какъ бы захваченное въ минуту его волненія и оставленное въ такомъ положеніи, и вы будете имѣть самое точное понятіе о Кызыль-Кумовъ. Еще на окраинахъ кой-гдѣ попадаются изъ-за песчаныхъ волнъ то полузасыпанная стѣна какого нибудь зданія, то ковыль; но это только въ началѣ, дальше же, чѣмъ глубже въ пески, тѣмъ мѣстность становится все болѣе и болѣе безжизненной. Движеніе страшно тяжело, такъ какъ, кромѣ непрерывныхъ подъемовъ и спусковъ съ песчаныхъ волнъ, лошади постоянно вязнутъ въ сыпучемъ грунтѣ, уходя въ него до колѣна. На половинѣ перехода, на небольшой полянѣ, окруженной песчаными холмами, чья-то благодѣтельная рука вырыла колодезь, гдѣ усталые странники и верблюды подкрѣпляютъ свои силы для совершенія другой половины пути.

Было часовъ 5 или 6 вечера, когда миссія начала выходить изъ песковъ и подошла къ остаткамъ зданій, служившихъ когда-то мѣстомъ жилья обширнаго населенія, а теперь занесенныхъ вполнину пескомъ. Во весь этотъ день, въ природѣ царствовало совершенное спокойствіе, вслѣдствіе чего мы хотя и изнемогали подъ гнетомъ жара и духоты, но все-таки считали себя счастливыми; иначе, если бы въ пустынѣ задуть хоть маленькій вѣтерокъ и заволновалъ эту страшную массу песку, переноса ее съ мѣста на мѣсто, намъ пришлось бы очень плохо.

Ночь провели мы среди населенія, не находя словъ благодарить Бога за такой успѣшный переходъ черезъ пустыню и вообще за все путешествіе отъ Хивы. На другой день, утромъ, представлялся начальнику миссіи молодой, женоподобный чиновникъ, назначенный правительствомъ эмира для нашей встрѣчи и сопровожденія до Бухары. Мирза Фазиль—такъ звали привѣтлившаго—обошелся съ нами съ самой утонченной любезностью. Онъ родился въ Казани, гдѣ отецъ его былъ женатъ на какой-то Татаркѣ, и молодые годы провелъ въ Россіи. Въ сопровожденіи новаго пристава, миссія направилась къ г. Каракудю, подходя къ которому была встрѣчена мѣстнымъ начальствомъ; до самаго города шли по мѣстамъ населеннымъ и обработаннымъ, и насъ постоянно сопровождала огромная масса народа.

Каракуль — это дело знаменитыхъ мерзущекъ — небогатый глиняный городъ, съ самой миниатюрной крѣпостью. Здѣсь мы сначала остановились въ ханскомъ дворцѣ, изъ котораго, послѣ личныхъ привѣтствій и угощенія, перешли въ лагерь, разбитый подъ самымъ городомъ, на берегу рукава Зарбавшана. Къ лагерю прибыло къ намъ еще человѣкъ пять чиновниковъ, назначенныхъ для сопровожденія миссии въ Бухару. Это были по большей части родственники главного закатчи Бухарскаго хана или, другими словами, бухарскаго министра иностранныхъ дѣлъ. На другой день, послѣ довольно тяжелаго завтрака, приготовленнаго съ явной претензией на европейскую кухню, миссия, въ сопровожденіи всѣхъ присавовъ, потянулась къ Бухару, при чемъ для проѣзда до столицы отъ имени главнаго закатчи былъ предложенъ начальнику миссии превосходный сѣрый конь въ богатой сбруѣ.

Предупредительность Бухарцевъ не покидала насъ ни на минуту: придя къ мѣсту ночлега, одинокому караванъ-сараямъ мы нашли тамъ изготовленные заранѣе для нашего отдохновенія палатки, по входѣ въ которыя намъ тотчасъ же были поданы чай и угощеніе изъ фруктовъ и мяса.

На слѣдующій день, выступивъ опять-таки не прежде, чѣмъ послѣ завтрака, шли по довольно населеннымъ мѣстамъ, въ предмѣстїяхъ Бухары, и, не доходя двухъ верстъ до города, остановились довольно рано на ночлегъ, для того, чтобы въ возможность приготовиться къ торжественному въѣзду въ лицу Нассыр-Уллы-Богадурь-хана.

Здѣсь къ намъ прибыло нѣсколько таможенныхъ чиновниковъ, которые хотя и по наружности, но довольно внимательно осмотрѣли наши вьюки.

Они уже оканчивали путешествіе по лагерю, когда вниманіе ихъ было остановлено однимъ большимъ вьюкомъ, составленнымъ изъ нѣсколькихъ ящичковъ. Мигомъ тутъ образовалась густая толпа народа, и между чиновниками завязался горячий разговоръ, перешедшій вскорѣ въ крикъ. Мы сначала рѣшительно не понимали, въ чемъ дѣло, но потомъ недомысліе наше смѣнилось сильнымъ смѣхомъ. Вы припомните, конечно, что, идя къ берегу Аму, мы втихомолку похоронили уральскаго казачка. Возчики нашего каравана, зная о смерти одного изъ русскихъ, въ то же время были убѣждены, что тѣло покойнаго слѣдуетъ при миссии въ Бухару, о чемъ не замедлили сообщить, но секретъ

и бухарскимъ чиновникамъ, присовокупя, что Русскій умеръ отъ чумы и, вѣроятно, долженъ находиться въ какомъ либо изъ нашихъ большихъ вьюковъ. Съ такимъ подозрѣніемъ Бухарцы начали осмотръ нашихъ тяжестей и, какъ нарочно, попали на ящикъ, спрятавшій зачатъ отъ котораго окончательно убѣдили ихъ въ справедливости разсказа нашихъ чичиковъ; поэтому они настоятельно потребовали вскрытія ящика и, несмотря на всѣ убѣжденія, что они не найдутъ тамъ ничего похожаго на мертвое тѣло, настаивали на своемъ. При общемъ смѣхѣ конвоя, таинственный ящикъ открылся, и Бухарцы отъ изумленія разинули рты, когда, вместо страшнаго зачумленнаго, увидали четырехугольныя правительскія плитки прессованной капусты, употребленіе которой въ пищу имъ было тотчасъ же объяснено на дѣлѣ.

22 сентября, утромъ, насъ угостили еще разъ завтракомъ, въ одномъ изъ ближайшихъ къ лагерю домовъ предмѣстья, и мы, одевшись въ парадную форму, приготовились къ торжественному въѣзду въ Бухару.

Было около 9 часовъ, когда миссия тронулась съ мѣста, окруженная необозримой толпой народа. Впереди ѣхало нѣсколько бухарскихъ чиновниковъ, по обыкновенію, щедро разсыпавшихъ на всѣ стороны удары плети, за ними часть конвоя, потомъ начальникъ миссии, въ сопровожденіи своихъ офицеровъ, бухарскихъ приставовъ и остальной части конвоя; наконецъ, въ хвостѣ караванъ. Справа и слѣва около насъ бѣжало множество блюстителей порядка, съ длинными, бѣлыми палками; но ни эти послѣдніе, ни тѣ, которые ѣхали верхомъ, рѣшительно не могли удержать въ порядкѣ народъ, который давилъ насъ съ боковъ, напиралъ съ тылу и совершенно заграждалъ путь, переливаясь, какъ волна, съ одной стороны улицы на другую. Спотыкаясь и падая въ песокъ, любопытные, кромѣ того, цѣлыми кучами сталкивались въ канавы, придавливались къ заборамъ и получали ловкіе удары въ спину, въ шею и преимущественно въ бритую голову; но ничего не помогало, и правовѣрный, только лишь побывавшій въ пескѣ или въ лужѣ и съ помощію полицейскихъ украсившій фізіономію свою волдырями, черезъ нѣсколько минутъ опять проталкивался къ поѣзду и бѣжалъ около него съ самымъ веселымъ лицомъ.

Подойдя къ высокой зубчатой городской стѣнѣ, обсаженной со стороны въѣзда деревьями, мы встрѣтили новую толпу народа и, вмѣстѣ съ бѣжавшимъ за нами, втѣснулись въ ворота.

Я рѣшительно не въ состояннн описать вамъ той жуки, которую мы вытерпѣли въ самомъ городѣ. Насъ вели то широкими мощеными улицами, то по грязнымъ крытымъ рядамъ, мимо вокъ, куда едва-едва проникаетъ дневной свѣтъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ улицы были въ родѣ лазеекъ, а тутъ еще со всѣхъ сторонъ напирала на насъ зрителья, тянули за ноги нищія, прося милостыню, и подтѣзжали подлѣ самой нощи лошади наѣздники на ослахъ. По дорогѣ мы прошли нѣсколько медресе, крыльца и террасы которыхъ были покрыты муллами и другими учеными, сидѣвшими поджавъ ноги и смотрѣвшими на нашъ поѣздъ, какъ на театральное представленіе; съ плоскихъ же кровель жилищъ метались жадные, огненные взгляды прекрасныхъ Бухарокъ, закутанныхъ въ халаты и съ черной сѣткою на лицѣ. Но всему на свѣтѣ есть конецъ: такъ и мы, пройдя около трехъ верстъ городомъ, приблизились къ широкимъ сводчатымъ воротамъ, которыя быстро поглотили всю нашу процессію и въ которыя назойливая толпа не имѣла права вступить. Въѣхавъ въ ворота, мы очутились на огромномъ, огороженномъ высокими стѣнами дворѣ, откуда въ самое зданіе, назначенное для нашего пребыванія, вела только одна маленькая лазейка. Зданіе состояло изъ нѣсколькихъ дворишковъ и заключало въ себѣ около 100 глиняныхъ клѣтокъ, изъ которыхъ 10 — 15 были еще на что нибудь похожи, остальные же имѣли видъ сырыхъ и темныхъ мазанокъ.

Здѣсь насъ угостили чаемъ и завтракомъ, потомъ предложили размѣститься по комнатамъ.

Н. ЗАЛѢСОВЪ.

Бухара.

28 сентября 1858 года.